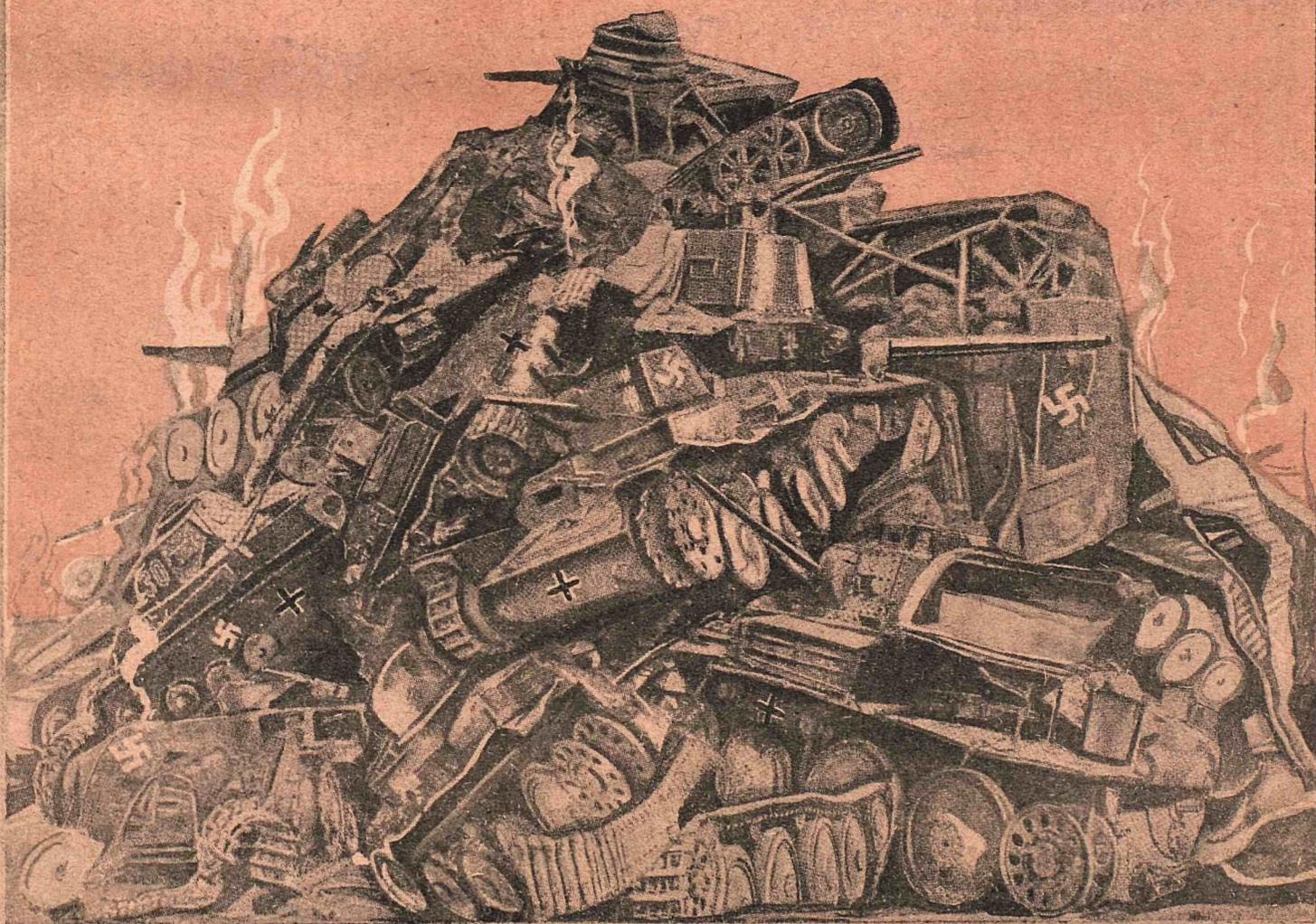

К Р О К О Д И Л

Ген. Гудериан

Внимание —

танки!

В боях под Брянском нанесен крупный удар по танковой группе генерала Гудериана, автора книги „Внимание — танки!“

Фотомонтаж Б. Клинка

Новое издание труда Гудериана, исправленное и сокращенное Красной Армией.

Даем эту голову на отсечение, что гитлеризм будет уничтожен!

Самки зверей

Фашистские женщины, самки зверей!
 С улыбкой вы слушали плач матерей
 Варшавы, Парижа, Белграда,
 И вас не тревожил их траурный крик,
 Вы ели спокойно украденный хлеб,
 Носили с убитых наряды,
 Вы гордо ходили в парижских чулках,
 В варшавских ботинках, в лионских шелках,
 Норвежское масло глотали.
 И мужу писала нацистская дрянь:
 «Ты шубку получше мне, пупсик, достань,
 Белье... и другие детали».
 И шарилы воры по странам чужим
 И слали подарки «арийкам» своим —
 И Берте, и Грете, и Лине,
 Французские вина спруились рекой,
 И был весь Берлин, как притон воровской,
 Но... все изменилось в Берлине...

* * *

Казалось, что Англию взять — пустяки,
 Но «томми», как сталь, оказались крепки
 И Лондон разграбить не дали.
 Казалась прогулкой с Россией война,
 Но стала дорогою групп она
 Для наглой, эс-эсовской швали.
 С ворованным «буттер» украденный «брот»
 Сожрали «арийки из расы господ»
 И пишут «зверям белокурым»:

«Пришлите нам сала! Пришлите нам кур!»
 Но с фронта ответ и невежлив и хмур:
 «Цум гейфель! Забудьте о курах!»
 С восточного фронта идут поезда,
 В вагонах подарки не те, что всегда:
 Там длинные списки убитых.
 Там нет ни мехов, ни духов, ни цыплят —
 Там груды калек белокурых лежат —
 Безруких, безногих, разбитых...
 Берлин в деревянных пошел башмаках,
 Погасли все люстры в ночных кабаках,
 Допиты французские вина.
 И, мстя за потоки и крови и слез,
 То наш, то английский летит бомбовоз
 Над пастью ночного Берлина.
 Фашистские женщины, самки зверей,
 Вы вдруг ощутили тоску матерей
 И дико, протяжно завывли.
 Но кто сыновьям в прабеге потакал?
 Кто зверя на новые зверства толкал?
 Кто славил убийства? Не вы ли?
 Так пейте же чашу свою до конца!
 Узнайте, что значит лишиться отца
 И детские видеть увечья,
 Быть может, от боли, страданий и ран
 И в вашей душе сквозь кровавый туман
 Хоть что-то мелькнет человечь!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Спасибо на добром слове

ОНИ ведут дневники. А это, как никак, — уж что-то новое в бандитской практике. Раньше уголовная шпана не вела записей, не регистрировала свои деяния. Было бы странно читать такую литературу:

«Вчера была тихая звездная ночь. Украл с чердака две пары кальсон».

«Утром моросил мелкий дождик. Зашел в магазин. Ужасная толчея! Удалось спереть только три носовых платка».

А сейчас фельдфебель Мюллер спокойно и деловито отмечает в своем дневнике:

«Сегодня с утра ясная погода. Мы с Клейном ходили в деревню. Организовали поросенка, двух цыплят и сапоги».

Организовали... Так на фашистском блатном жаргоне называют кражу и грабеж.

Да, эти «организаторы» ведут дневники. Кроме отметок об успешных атаках на цыплят, в их тощих тетрадях обильное количество ругательств.

Мы с большим удовольствием читаем эти взволнованные, гневные строки в записных книжках убитых врагов.

Они ругают нас. И, между нами говоря, ругают за дело.

Вот, например, лейтенант Кальтвассер щедро посылает по нашему адресу целую тысячу чертей:

«Тысяча чертей этой проклятой советской артиллерии! От нее нет покоя ни днем, ни ночью. Мы лежали целый день в какой-то грязной луже, боясь поднять голову...»

За чертями неизбежно следует дьявол. Об этом позаботился ефрейтор Герман Михель:

«Сегодня на нас опять налетели советские бомбардировщики, дьявол их возьми! Они уничтожили 19 танков, а от всей пехотной роты остались невредимыми только я да еще 5 человек. Ну и война!..»

Солдат Рудольф Лямпе на чем свет стоит проклинает наши танки:

«Сто проклятий и тысяча чертей этим проклятым машинам, которых ни пуля не берет, ни снаряд не трогает! Ну и натерпелся я вчера страху! Ганс потом спросил меня: «Что самое главное в войне с русскими: авиация или танки?» На этот вопрос я ему ответил так: «Самое главное в этой войне — это остаться в живых...»

Со страху (или, как говорят украинцы, с переляку) Рудольф Лямпе к тысяче чертей, которые сулил нам лейтенант Кальтвассер, добавил еще от себя полную сотню проклятий.

Недружелюбно они отзываются и о нашей пехоте.

И правильно делают: не за что им хвалить советскую пехоту.

«Что это у них за дурная привычка — бросаться в штыковые атаки?» — с упреком отмечает в своем дневнике браваый ефрейтор Ганс Клямммер.

И действительно: как нам не стыдно портишь штыком нервы (а кроме нервов и живот) этим молодцам, которые думали, что вся война заключается в том, чтобы ловить в колхозах беззащитных цыплят?!

Здорово попадает в этих дневниках и нашим кавалеристам, и пулеметчикам, и саперам, и партизанам.

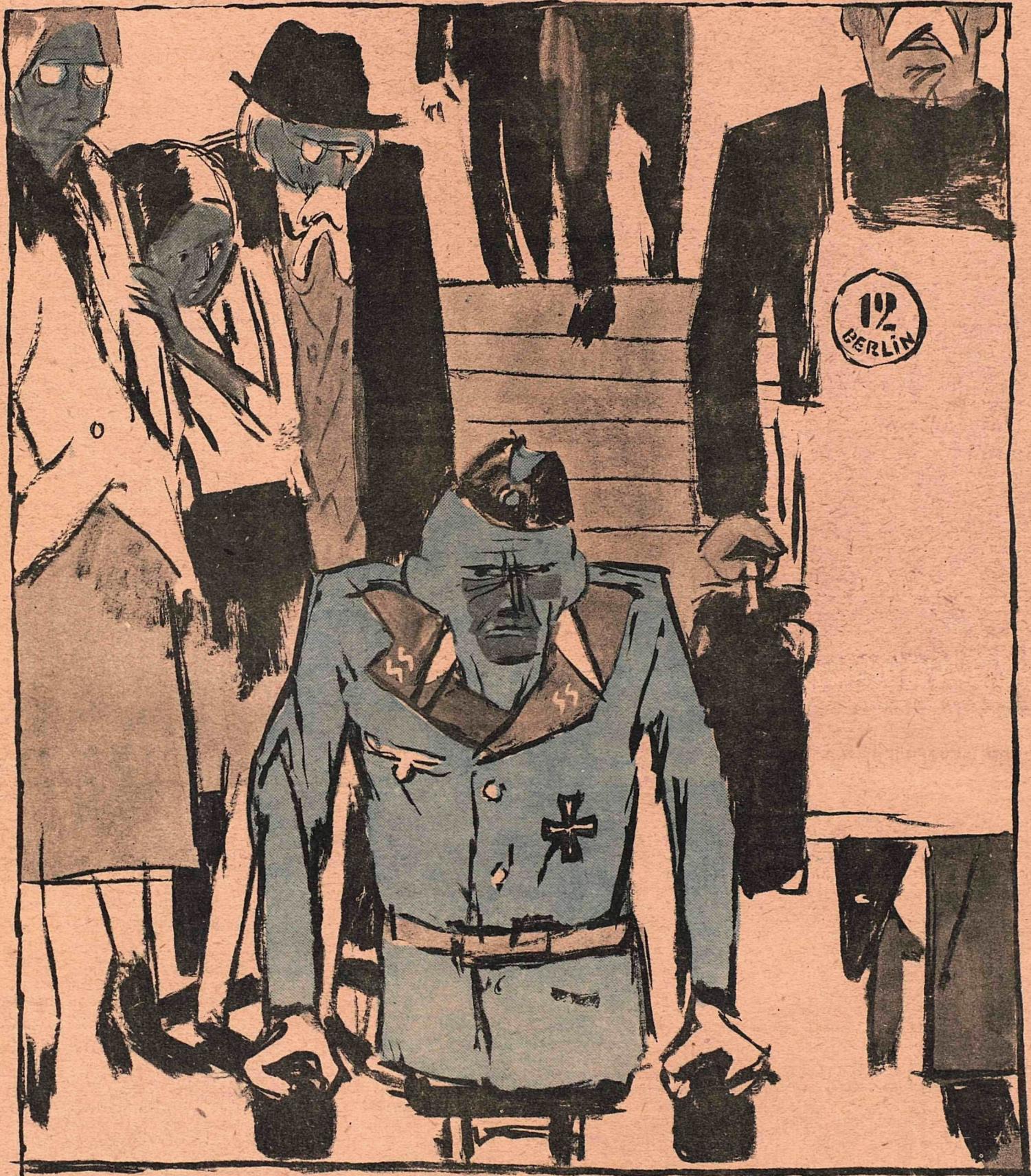
В общем Гансы и Германы страшно недовольны поведением Красной Армии и русского населения.

Читая незаконченные (у авторов по случаю смерти времени не хватило!) дневники фашистов, мы говорим:

— Гансы, Германы и прочие немецкие покойники! Спасибо на добром слове. Мы с удовольствием читаем вашу брань по нашему адресу. Вы покинули нас, не успев доругаться. Ваши товарищи, еще оставшиеся в живых, будут — мы это твердо знаем — еще крепче ругаться. Мы встретим их брань с большим удовольствием.

Как сказал русский поэт: «В шумном ропоте врагов мы слышим звуки одобренья...»

Г. РЫКЛИН

— Нет, баста! Ноги мои больше не будет на восточном фронте!

Заменители-эрзацы

ТОЧНАЯ ПРИМЕТА

Вся фашистская страна
 Заменителей полна,
 Заменителей миллионы:
 Есть эрзацы книг, бульона,
 Драм, сосисок, потрохов,
 Платя, кожи и стихов,
 Заменители резины,
 Дружбы, сердца, древесины.
 Все эрзацами полно —

От подтяжек и кино
 До подметок и печенья...
 Есть, однако, исключенье:
 Гитлер сам и те, кто с ним, —
 Ни один незаменим:
 Без подделок и эрзацев —
 Шайка подлинных мерзавцев!

Мих. КОССОВСКИЙ

— Фриц, куда ты несешься сломя голову?
 — В бомбоубежище, Ульрих!
 — Но почему? Ведь нет тревоги!
 — Да, но Геббельс только что сказал, что
 советская авиация окончательно уничтожена.
 — Ай! — взвизнул Ульрих и резво обогнал
 Фрица.

— Сколько раз фюрер обещал обедать в Лондоне и Москве!.. А нам хоть бы раз пообедать в Берлине!

Скандал в благородном семействе

НЕ ЗНАЕМ, насколько верно, но говорят, что Гитлер поссорился с Муссолини.

Не то чтобы они окончательно поссорились, но говорят, что между ними пробежала черная кошка.

Причем ссора у них произошла на идеологической почве.

Приходит некто Геббельс к Гитлеру и в присутствии Риббентропа говорит ему: «Ну и ну!»

И с этими словами кладет на стол старую газету.

Гитлер говорит в присутствии Риббентропа: — Что произошло? Не волнуйте меня.

Геббельс говорит: — Как вам известно, я не любитель что-либо читать. Но вчера сижу в ванне и от нечего делать просматриваю старую итальянскую газету. И вдруг вижу... Что такое!..

Высказывание Бенито Муссолини в Германии... И там такие слова, что я не решаюсь вам вслух прочитать... Вот прочтите это место, и вы увидите, как вам нацистил зубы ваш любезный друг Муссолини.

Гитлер говорит: — Я сам гляжу против чтения и образования. Но раз дело доходит до зубочистки, то я потружусь — прочитаю это отмеченное вами место.

И с этими словами Гитлер берет газету и в присутствии Риббентропа вслух читает высказывание Муссолини:

«Как смеют немцы (пишет Муссолини) претендовать на мировое господство! Как смеют они ссылаться на свою древнюю культуру! Они ходили еще в шкурах в то время, как у нас в Риме были Цицерон и Публий Марон Вергилий...»¹

Прочитав это высказывание, Гитлер зашатался и говорит Риббентропу:

— Давай пошлем ноту Муссолини, который осмелился так сказать...

Пройдоха Риббентроп говорит: — Давайте лучше вызовем Муссолини к телефону. И вы в короткий срок отведете свою душу.

¹ Эти подлинные слова Муссолини относятся к 1934 году.

И вот соединяют Гитлера с Бенито Муссолини. И Гитлер говорит:

— Ну, говорит, Беня, не ожидал я от тебя такой гадости...

И объясняет ему, в чем дело. Муссолини с дрожью в голосе говорит:

— Извиняюсь, ошибся... Единственное, говорит, мое оправдание, что это мое легкомысленное высказывание было семь лет назад.

Гитлер говорит: — Мне безразлично, когда это было. Но раз ты, собака, имел такое мнение, значит, и сейчас имеешь. И только со мной двуриничаешь. Благодарю небо, что я сейчас занят, иначе от твоего Рима осталось бы одно воспоминанье.

Тут Гитлер вешает трубку и говорит всем присутствующим: — Ну, погодите, господа, когда-нибудь я ему всыплю! Я ему покажу, кто в шкурах ходил, а у кого был этот, как его... ци... ци... ну, этот, как его... цитрон...

Геббельс говорит: — Цицерон... Оратор... А то у них в Риме был еще другой — Нерон. Так он и вовсе Рим спалил...

Гитлер говорит: — Вот и я ему спалю Рим. Вот и будет знать, кто в шкурах ходил...

Пройдоха Риббентроп говорит: — Умоляю: не выносите сор из избы. Иначе нам будет труба... А вам, господин Геббельс, довольно стыдно подначивать.

Ничего на это Геббельс не сказал, только подло улыбнулся и вышел.

И Гитлер тоже ничего не сказал, только потребовал карту Европы и стал смотреть, где Рим находится.

Но тут вскоре прилетает на бомбардировщике запыхавшийся Муссолини. Плачет. Рвет на себе волосы. И просит прощенья.

Тут между двух пресловутых атаманов происходит ссора, шум и крики.

Но потом Муссолини все-таки вымолил себе прощенье, сказав, что он отмежевывается от своих слов.

На этом дружба разошлась, затаив друг к другу злобу и раздражение.

Мих. ЗОЩЕНКО

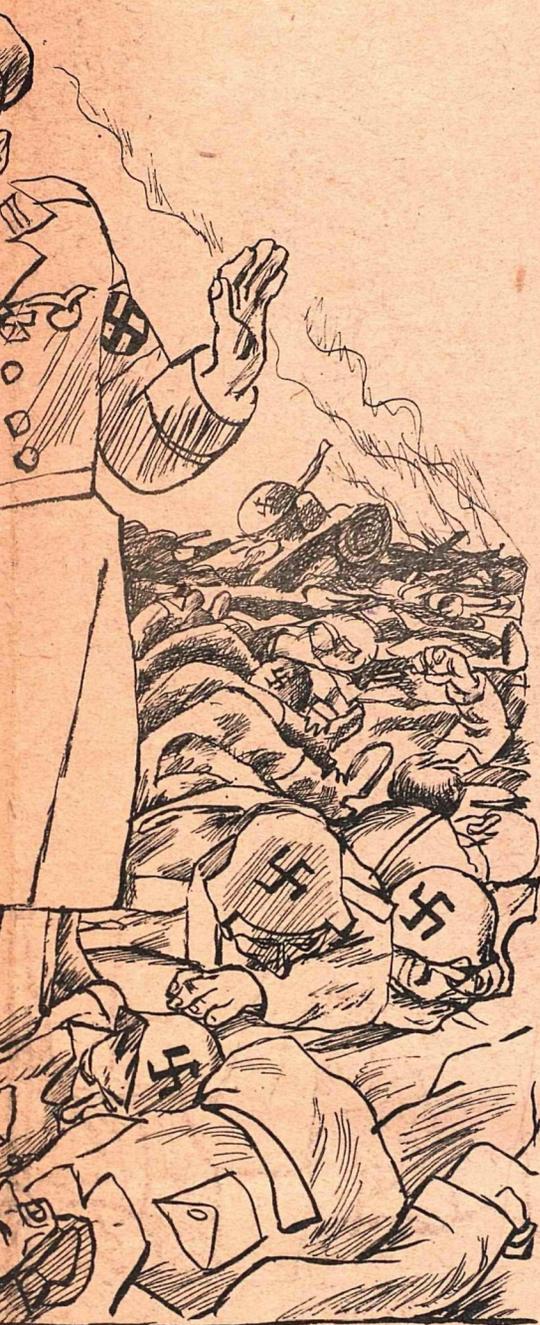

— У нас большие потери, господа!
— Пустяки! Всего один взвод румынская.

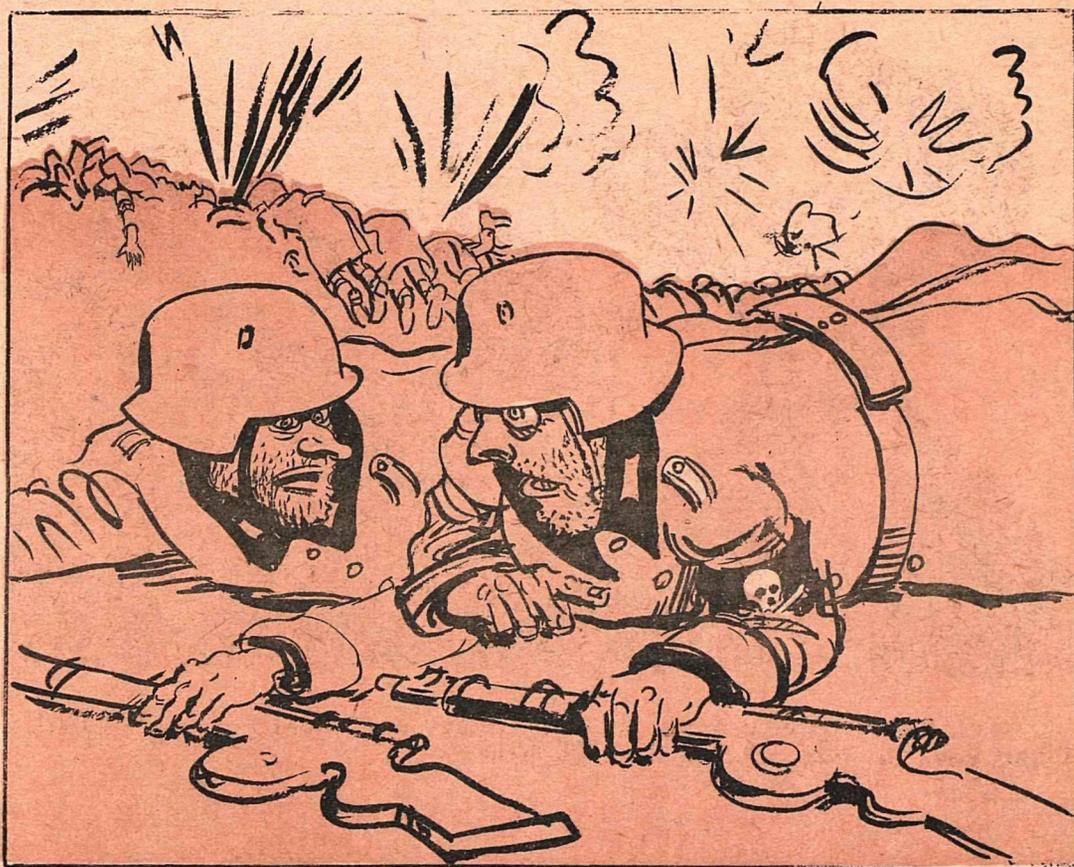
Рис. Н. Радлова

Рис. А. Каневского

— Видно, на тот свет скорее попадешь, чем обратно в Германию
 — Ничего, на том свете полно теперь немцев.

— Видно, на тот свет скорее попадешь, чем обратно в Германию
 — Ничего, на том свете полно теперь немцев.

На приеме

ЭПИЗОД I

Кабинет Гитлера. На цыпочках входит лакей.

Лакей (небрежно). Там какой-то румынский генералишка приперся.

Гитлер (зопит). Балда! Не генералишка, а нужнейший человек! Его высокопревосходительство! Глава правительства! Поставщик мяса!

Лакей (облизываясь). Свиининки?

Гитлер. Пушечного, осел! Проси!

(Входит Антонеску.)

Гитлер (идет ему навстречу). Счастливи вас видеть, ваше высокопревосходительство!

Антонеску. Помилуйте... Я сам, так сказать, счастлив. Чем обязан вашим приглашением?

Гитлер. Я пригласил вас, генерал, с тем, чтобы сообщить вам весьма приятное известие: мы решили подарить Румынии Украину.

Антонеску (растроган до слез). Дорогой Адольф... не знаю, как вас по батюшке... Чем вас отблагодарить?

Гитлер. Людишками, генерал, людишками. Мы их объединим в дивизию и пошлем против русских. Идет?

Антонеску. Мне бы еще Урал...

Гитлер. Не могу, генерал: другим обещал. Да и хватит с вас Украины. Людишки-то у вас не ахти какие боееспособные.

Антонеску. То есть как не боееспособные?! Мои солдаты — высший сорт А. По неделям могут питаться одной сырой водой. Я как гаркну на них, так они рысью побегут.

Гитлер. Охотно верю. Так по рукам?

Антонеску. По рукам!

(Нежно обнимаются.)

ЭПИЗОД II

Тот же кабинет. Входит лакей.

Лакей (торжественно). Его высокопре-

восходительство, глава румынского правительства, поставщик мяса, генерал Антонеску!

Гитлер (орет). Балда! Какой-то генералишка приперся, а ты не догадался даже за дверь его выставить!

Лакей. Виноват. Сейчас выставлю.

(Входит Антонеску, робко топчется у дверей.)

Гитлер (не поднимая головы). Что надо?

Антонеску (униженно). Я насчет людишек, ваше фюрерство. С удовольствием дал бы еще, как вы требуете. Но, поверите, нет их у меня. Чуть пошло против русских дивизию, как через день — другой от нее мокрое место остается.

Гитлер. А мне плевать на это! Людишек на стол, или я вас в концлагерь улеку!

Антонеску (в страхе). Помилуйте... за что же? Я бы и сам рад еще дивизию — другую сколотить, да нет никакой возможности. К тому же мои солдаты небоеспособны.

Гитлер. То есть как не боееспособны?! Под командованием моих офицеров они станут высшим сортом А! Я как гаркну на них, так они рысью побегут!

Антонеску (неожиданно осмелев). В том-то и дело, что бегут.

Гитлер (взбешенный). Что такое? (Лакею). Убрать!

(Антонеску падает в обморок. Лакей выволакивает его за дверь.)

Гитлер. Союзники, будь они прокляты! (Звонит, входит лакей.) Кто там еще в передней?

Лакей. Господин Квислинг явился доложить о результатах вербовки добровольцев для крестового похода против большевиков.

Гитлер (в ярости). Гони его в шею!

И. ВЕРХОВЦЕВ

Б а з а р

Вот кого нам жалко, так это генерала Антонеску. То есть не то, чтобы очень уже мы его жалели. Жалеть нам его не за что: чего человек хотел, того и добился. Хотел стать холуем у Гитлера и стал. Так что нам-то его, собственно, не жалко, но вид у него действительно жалкий.

Мы в данном разе основываемся на показаниях генерала Мазарини — начальника штаба

румынской армии, то есть ближайшего помощника самого господина Антонеску. Что же рассказывает генерал Мазарини? А рассказывает он вот что.

Днем в румынской казарме шли обычные военные занятия: грязные солдаты делили награбленное имущество.

НА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ, ИЛИ ЖИВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Рис. А. Баженова

— Теперь представьте себе, что наступила русская зима и под вами снег...

— А вот, а вот, а вот! — надрылся хрипло унтер-офицер с черной щетиной двухнедельной давности на лице. — Кому нужны замечательные дамские часики?

— Шуба! Шуба! Шуба хорошая!

— Детская коляска, полная шолкового трикотажного дамского белья!

— Ты что же, дьявол курчавый?! Обещал мне за ожерелье отрез, а сам даешь пол-отреза?!

— Это и есть отрез.

— Какой же отрез, когда в нем полтора метра?!

— А я тебе не говорил, сколько я тебе отрежу.

— Ах так?! Ну, держись!

— Караул! Седьмую роту бьют!

Среди этого гомона внезапно раздалось:

— Солдаты, смирно! Приветствуйте господина генерала Антонеску!

Произошла короткая пауза. Те из «торговых деятелей», у которых товар был помельче, спрятали свои ценности в карманы. Человек десять попытались построиться фронтом.

Генерал Антонеску помолчал, пожевал губами и сказал с наигранной скромностью:

— Здорово, орлы!

— Здрая жляя! — неуверенно, вразброд ответило несколько голосов.

— Ну, как, орлы, всем ли вы довольны? Нравится вам воевать?

— Мне еще нравится, — сказал молодой солдат с глупыми круглыми глазами, — я почти ничего еще не раздобыл на войне. А вот ему уже не нравится: видите, у него сколько товара. Говорит, шора и домой.

— Ну, как это домой? — мягко сказал Антонеску. — Кампания только начинается.

— Я и говорю, что начинается, потому что я в крайнем случае на пять — шесть тысяч лей наворовал... то есть навоевал.

— Да, — промямлил Антонеску, — но я бы хотел поговорить со всем подразделением сразу, так сказать. Нельзя ли сделать так, чтобы было смирно?

Вошедшие вместе с Антонеску офицеры закричали: «Смирно!» — сперва порознь, а потом все вместе. Но это не помогло: галдеж продолжался. Антонеску обиделся.

— Что ж это такое, господи? — сказал главнокомандующий. — Я к вам пришел это... инспектировать, а тут, понимаете, такой содом...

— А ты, папаша, вечером заходи, — посоветовал солдат с круглыми глазами, — а то врезался в самые, так сказать, торговые часы. Генерал Антонеску замахнулся, чтобы ударить солдата, но в это время чья-то кисть схватила его пониже локтя и алчный голос произнес:

— Стой! Часы меняешь?

— Какие часы? — отшатнулся Антонеску.

— Вот непонятливый, а еще стратег! Ну, твои часы, которые у тебя на руке. Хочешь, давай менять. Я тебе дам две пары дамских туфель, боты и голубое трико. Идет?

Антонеску вырвал руку:

— Как ты смеешь?! Взять его!

— Чего взять? Если мало кажется, могу прибавить духов и губную помаду. Нет? Ну чорт с тобой!

В этот момент в дальнем углу началась очередная драка, и адъютанты посоветовали Антонеску покинуть казармы.

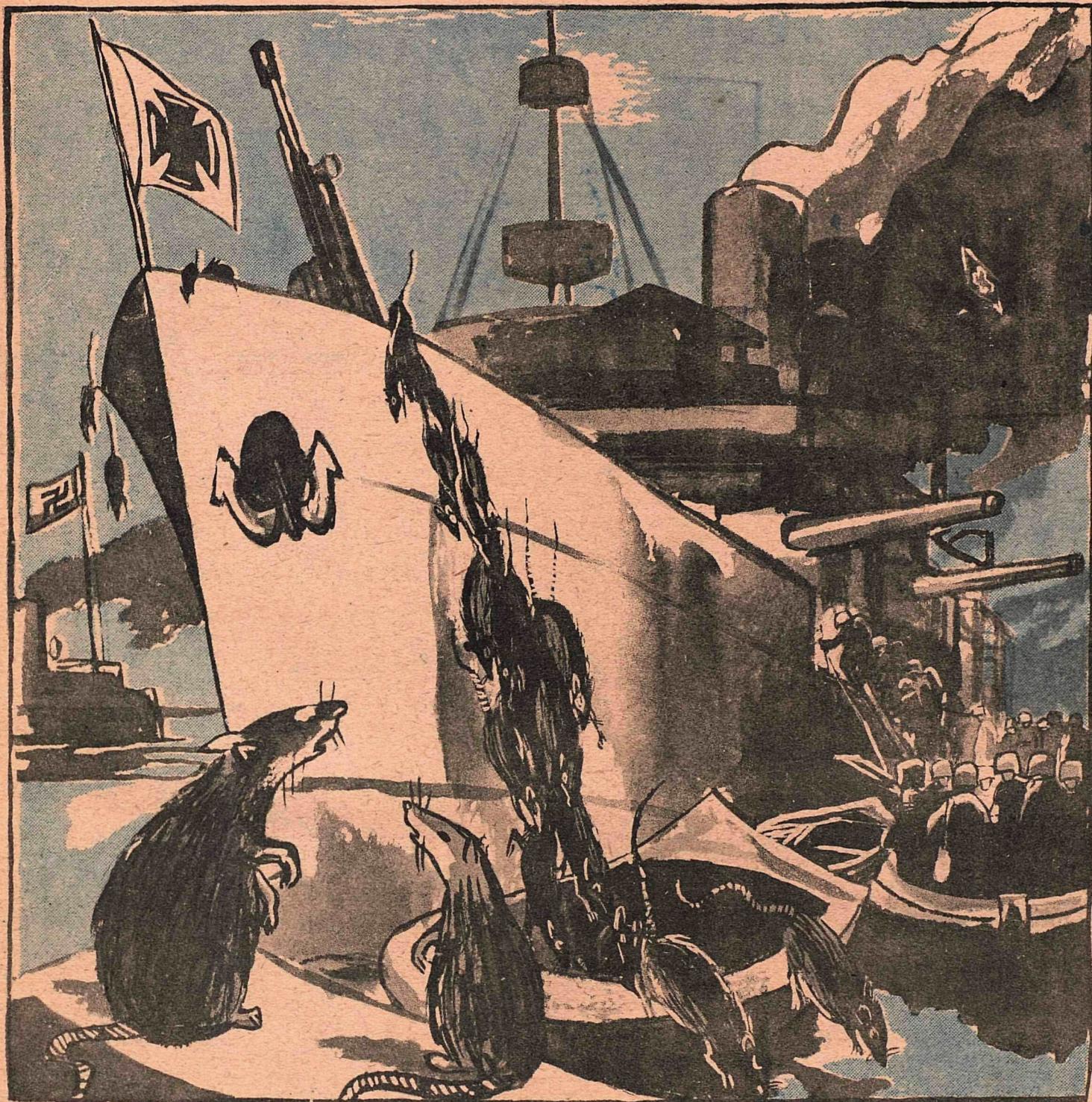
Главнокомандующий подчинился. Выйдя в коридор и вдыхая сравнительно свежий воздух, он сказал:

— Конечно, это хорошо, что в нашей армии столько трофеев, но ведь надо же иногда и субординацию соблюдать, как вы думаете, господа?

Господа думали так же, как и Антонеску, но вопрос решался не ими.

Повторяем: об этом написал начальник румынского штаба генерал Мазарини, и его вопли в виде приказов были перехвачены частями Красной Армии и опубликованы в советской печати. Так что ответственность за нарисованную выше картину падает всецело на генерала Мазарини, который по данному фельетону является как бы нашим соавтором.

В. АРДОВ

— Спасайтесь, сестрицы!.. Наш корабль готовится повезти десант.

И х да ма

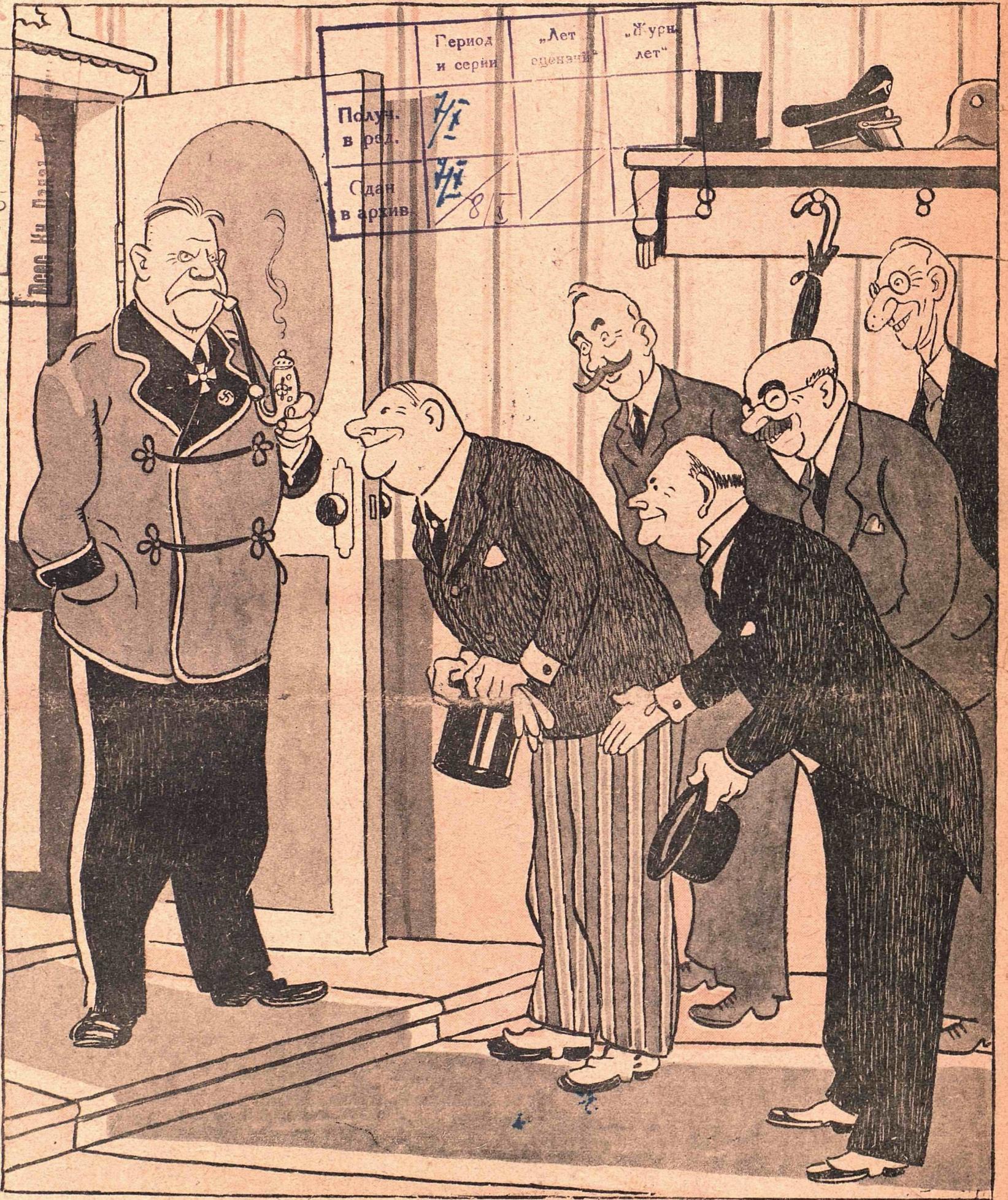
Надобно быть не арийкой, а дурью,
Чтобы гнущаться плодами атак.
Голубоглазая и белокурая,
Фашистская дама одета так.
Туфли. Их сделал славянский Восток.
Туфли, однако, не туфли — восторг!
Для достижения сего восторга
В Минске разбиты витрины Мосторга.
Стрелка чулка на свету золотится,
Можно ли стрелкой не восхититься?
С трупа содрав эту пару чулок,

В танке супруг их по свету волок.
Платье. Не платье, а нега и сон.
Легкие буффы. Прекрасный фасон.
Девушка — та, что когда-то носила его,
Была перед выстрелом изнасилована.
Так как погода все хуже и хуже
И по Берлину расходятся лужи,
Эта коричневая Миньона
Нежному мужу пишет влюбленно:
«Мой дорогой, ненаглядный, хороший,

Вышли возможно быстрее калоши».
Тут, к сожаленью, семейная драма —
Нежному мужу сейчас не до дамы.
В том же любезном, изысканном тоне
Мы за него отвечаем Миньоне:
«Ваш дорогой, ненаглядный, хороший,
С вами достатком делюсь пополам,
Может прислать вам одну лишь калошу,
Так как в другой он находится сам».

Георгий ПОМЕРАНЦЕВ

Рис. Ю. Ганфа

КВИСЛИНГ: — Весь преданный вам норвежский народ собрался в вашей прихожей, господин губернатор. А с остальными норвежцами вы можете расправиться, как вам угодно.